
Снег не летит, а льётся. И предметы
Намокшими белеют ворохами
И оседают, погружаясь в синь, –
Зима затеяла большую стирку.

Почуяв будущей весны приметы,
Она спешит распутаться с делами:
Соседний дом, аптека, магазин –
Всё валится и тонет в мыльной пене.

Распаренная, с полными плечами,
Зима полощет, отжимает... Вот –
В сугробе новом замечает дырку,
Глядит с досадой миг и с пущим рвением
На город снежные потоки льёт.

Но, наконец, готово. И с рассветом
Зима работе грандиозной рада.
А город тих. На бельевой верёвке
Покачиваются морские флаги –

Фасады, потемневшие от влаги.
И снег на иглах в дремлющей Сосновке
Стоит высокой кучевой громадой –
Предвестием неслыханного лета...

Наедине. На глубине.
На безымянной остановке.
Моей в тебе. Твоей во мне...
Как осторожны и неловки,
Как немые первые слова!
...И лишь торопятся взглядеться
Не мы, а изумлённых два
Навстречу выпорхнувших сердца.

Не касайся набухших почек,
Не тревожь!
Завтра вспыхнет зелёных строчек
Полуложь,
Золотистая дрожь, обманка,
Полусвет –
Дня немеющая изнанка:
Есть и нет.

Трамвай остановился в игре
И дребезге постылых улиц:
Жизнь раскатилась медяками...
Но Вы вошли – и оглянулись.

От солнца никуда не деться –
Мелькают слепнувшие лица...
Глубокая секунда длится
И больно разжимает сердце.

И теснота грудного гула
Всё раскрывается, как купол,
И, свой проехав переулочек,
Сию беспомощно и глупо

И жду, когда на повороте,
Где город холоден и труден,
Не оглянувшись, Вы сойдёте
В качанье праздников и буден.

И жизнь ворвётся между нами
И глубину заполнит жадно,
Где время странными путями
Вас поведёт теперь обратно.

Нине Ягодинцевой

Любая рука, любые глаза и губы –
В них ветер, и шелест, и дождь.
Хоральной прелюдии нежные, нежные трубы –
О том, чего ждёшь.

И каждая ветка, и каждая вешняя лужа,
И облако, облако в ней
Так тянет из сердца – до неба и дальше, и глубже,
Туда, где больней.

И неизъяснимы и лица, и лужа, и ветка,
И так одиноки, любя,
Что кажется: эта тугая грудная клетка
Не сдержит тебя.

Читая Даля

триптих

– Шорох, стрепет, верезг, резкий свист!
Это в хлещущем, слепящем вихре –
Бабочки слетаются!.. Но лист
Словаря переверну – и стихли...

Лишь дрожит – и невесом, и груб,
И искрист, и нежен до мерцанья –
Тонкий отзвук, мотылёк у губ,
Крылышка упругое касанье...

...

Смыслами полнится жаркая мгла.
Чёрная кровь омывает ладони.
Жизнь остановлена на перегоне.
В спящий плацкарт, за скорлупку стекла

Бездна глядит – неподвижен зрачок.
Пахнет польнь первобытно и горько.
Нет никого в диком космосе, только
Бабочки просверк – слепой огонёк...

...

Речь моя – таинственный оплот...
Как твоя мерцающая плоть
Прорастает сквозь мою – в гортани,
В глубине? В трепещущие ткани,
До тишайших клеток – сладких сот...

Речь моя! На чью беду – ответ,
Ты проснулась, солнечная сила?
Плоть и кровь, дыхание и свет –
И пространство два крыла раскрыло:

Покачнулся горизонт – лети!
Окрылай воздушные потоки!
Оживляй неведомые строки.
Наполняй глубинные пути.

Заснежена твоя клеёнка
На парапете у метро.
Промёрзло нищее добро –
Салфетки, вязанные тонко.

И руки дряхлые дрожат,
И снегопаду уступают,
И кружево не успевают
Отряхивать. А снегопад

Тебя молчаньем охватил,
Удерживая как младенца,
Как переполненное сердце
Истаивая до светил...

Он светом увлекает вверх –
И в тесноте его высокой
Стоишь фигуркой одинокой,
Уже отделена от всех.

Но каждый божий человек,
Невидимо идущий мимо,
Тебе знаком необъяснимо!
И так – преодолая снег,

Со всеми в переключке тайной
На этом голом пяточке –
Стоишь смиренно, налегке,
С беспомощным своим вязаньем.

Так – словно на недолгий срок
Во всезвучащем разговоре,
В его космическом узоре
Ты – самый важный узелок.

Ветку тронь – качнёшь в пустоту
Майский двор, скамейку, фонарь.
Бедной жизни неведомы
Вечности цветущий букварь.

Мучает неназванный сад.
Жадно прорастает весна.
Силится вернуться назад
Кто-то – в имена.
Имена.

Земля сияет под ногами,
Незамечаемая нами –
Ты видишь это или нет?
Неизъяснимый Божий свет
На все вопросы листопада
Прозрачным делает ответ –
И нас уже почти что нет
В аллее вспыхнувшего сада...

Сквозь трещины в асфальте и песок,
Промытый августом до тихого свеченья,
Цветные камни, изумрудный мох –
Неслышно проступает воскресенье.

По руслу детских пересохших рек,
Где клады – синего стекла осколки,
Не огибая полустёртых вех,
Вневременно течёт без остановки.

Витражно-ярко первая листва,
До срока осветившая дороги,
Зрачков твоих дотронется едва,
И вспомнишь разом невозможно много –

До детского, до сокровенных крох –
И изнутри увидишь как святыни
Цветные камни, драгоценный мох
И туго свитый корень тополиный.

К руке твоей склоняюсь: там, под кожей –
Биение и свет.
И мир, сплетённый бережно и сложно,
Утешен и согрет.

И помнит всё. И беспечально дремлет
Меж завтра и вчера.
Солёная река – древнее древних –
Не знает переправ.

Воды не перейти: неодолимо
Разлитое внутри.
И дом на берегу, и годы – мимо.
И свет горит.

Только зовом Твоим – никакого другого зова:
Ни пути, ни приюта, ни друга, ни нежного слова.
Только словом Твоим – никакого другого слова.
Только слогом Твоим, только отзвуком, только земного
Невозможного сердца голосом детским быть.

Красоте

*Они похожи
на экзотические цветы...*
Р. Бротиган

Дари нечаянно лаской.
Распахивайся в духоте.
Живи во всех. Живи и властвуй –
Я покоряюсь красоте.

...И у витрин универсама,
В вечерней сутолоке ног –
Как экзотический цветок –
Уснувший уличный бродяга...

Сыну

Топлёным молоком в стакане
Короткий зимний день.
Твоей руке тепло в моём кармане,
И лень

Искать перчатки – так светло, румяно
И перламутрово вокруг...
О, это счастье без изъяна,
Мой друг!

Одним глотком до раннего заката
Его допьём.
Тебе шесть лет, мне тридцать семь. Из сада
Идём вдвоём.

Пришёл человек. Он дышит –
Всё небо в груди. Взгляни:
Он бег облаков над крышами –
Останься в его тени.

Пришёл человек влюблённый,
Пространство – его прибой.
В сияние отдалённый –
Он кроток перед тобой.

Ни слова – но как свободно,
Как нежно он весел: «Верь,
Я весь воплощён сегодня,
Не в будущем, а теперь.

Я только сегодня – полон,
Я призван и первозван...»
Пришёл человек – как волны,
Нашедшие Океан...

E. T.

Когда пишу кому-нибудь
«Ты» или «Вы», как прикасаюсь, –
Мне слово проникает в грудь
И раздвигает чёрный хаос
В густой крови.
И это – вдох
Из безвоздушного сиянья...

И я люблю.
И Слово – Бог.
И нет меж нами расстоянья...